

В антийских джунглях обитала простая, как бечевка, кобра. Обвивала собой шершавые стволы пальм, лианой раскачивалась на ветках деревьев. Этими же непролазными джунглями зарос опустевший каменный город, а в городе храм, а в храме хранилище свитков. Нога человека сотни лет не ступала сюда; дикие, полные неведомых неожиданностей джунгли пугали его. Но что человеку ад, то кобре райские кущи. И ей было вольно ползать по джунглям, по исчезнувшему для людей городу, храму, хранилищу, по свиткам, круглым туннелям из трубочек, таким же, как она сама, только в отличие от нее полыми и голыми внутри, а ещё неподвижными и короткими, точно разрубленная на части змея.

Однажды под утро, скользя гладкой кожей по их шершавым, побуревшим от веков внутренностям, она внезапно испытала в голове такое пьянящее легкомыслие, что в глазах её цвета бронзы распустился белый сияющий лотос и ослепил светом. «Зачем это? — вздрогнула кобра всем своим шестиметровым туловищем, и это была её первая мысль. — Ведь всё было так ясно и понятно в родной полутьме!» И она в страхе нырнула в свиток рядом, ища убежища от света. А выползши наружу, стала в стойку, развернув грудь, будто ладья, плывущая по волнам, и подняла глаза в небеса. Впервые за свою длинную, как она

сама, змеиную жизнь. И увидела, как ветерок нагнал белые облачка, турбулентно свернул их в тюрбан со звездой во лбу, а под тюрбаном засветилось лицо Небесного Факира, которое каждый видит по-своему, а вместе никто никогда не видел и не увидит, ибо оно слепит светочем. Факир взял в руки тонкий свиток, поднес к губам и заиграл на нём. Семь нот засветились семью цветами радуги, а за каждую ноту по порядку отвечала планета (Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Венера, Солнце, Луна. Но откуда, откуда это известно ей, простой дикой кобре?! Доползалась по свиткам...), и радуга теперь сияла пуще обычного, сияла небесной мелодией, которую слышала безухая кобра или далекий во времени и пространстве глухой Ведховен.

Кобра начала танцевать музыку, раскачиваясь ей в такт, и так раскачалась, что снова исчезла в свитке, и теперь переползая из свитка в свиток восьмеркой, она вдруг увидела, что кожа её стала покрываться плодами каллиграфии, бишь, отпечатками букв, будто она не простая настоящая кобра, а папирус. С тех пор кожа кобр стала исписанной сотнями букв ш. Может, поэтому змеи шипят?

Все знание, запечатленное в этих пращурах книг — свитках, впитывала змеиная шкура, ставшая отделом мозга. Теперь она знала больше орла, парившего высоко. Но ему никогда не проникнуть в тайны свитков. Воистину, рожденный летать ползать не может. Орёл — главный враг змей. Он может схватить её в когти, поднять выше гор, разорвать на куски и бросить. А ведь могли бы быть братьями, самые ярые враги — змея и птица, пресмыкающееся и вольнокрылое, ибо оба из яйца вылуплены. Кто ещё разбивает скорлупу, чтоб появиться на свет? Пусть кобра не на свет появилась, а во мрак, но по туннелю свитков всё-таки хоть на пузе, а приползла к свету. Знание из свитков древнее города, а городу, это уж, благодаря им, настоящая кобра теперь точно знала, семь тысяч лет. Древнее это знание, а новое и молодое. Ей, кобре, теперь дано его знать. А знать — это ведь стать знатью. Стало быть, она теперь не просто какая-то настоящая кобра, а знатная.

Она полюбила ползать по лабиринтам свитков, и такие вензеля при этом выписывала, что они стали танцем, одной из нитей, сплетающих кружево вечного танца. Кружево это плелось, издавая тонкий воздушный гул: світ, sweet, свитка, Swift, свет, свят, свиток, и, переходя в самый серебряный тон благозвучия: світанок, світ + танок. От этого гула и серебра кобра становилась изящнее, он, будто пилочкой для ногтей, шлифовал её плоть, пластика становилась слепком медленного вихря, ее шестиметровое туловище плавно, по спирали поднимаясь вверх теряло отмерянные ему метры, делаясь бесконечным, безплотным.

А вкусивший плод познания, становится ненасытным. Знатность, как и совершенство, не знает предела. И вскоре кобре, семижды проползшей все свитки храмового хранилища, больше неоткуда было впитывать знания. Она попросилась с каменным городом и подалась к другим городам и весям, где жил человек и собирал хранилища свитков, папирусов, табличек, а с ними фолиантов и книг. Такие хранилища назывались библиотеками. Это кобра не в школе проходила, а проползала в свитках.

Долго ли, коротко ли ползла знатная кобра своим туловищем — шеей, переходящей в хвост, — пока не одолела непролазные джунгли. А одолела — оглянулась, улыбнулась змеиной улыбкой: «А ещё называются непролазными...» И поползла в первое за краем джунглей селение. В первой же хижине на окраине, увидела свернутый перед дверью ковер, скользнула в него, отдохнуть дабы. Ковер же вторым своим краем лежал в хижине, и кобра увидела девушку в голубом сари и юношу в длинной цветной рубахе. Не будь одежд, их можно было бы принять за двух сестёр или двух братьев.

— Смотри, Ефгения, — писал на дощечке обуглившейся палочкой юноша, — 2 и 2 будет 22.

— Нет, Ефгений, — качала головой девушка, — 2 и 2 будет 4.

— Глаза открой, Ефгения, — указывал на дощечку юноша, — 2 и 2 рядом, читай 22.

— Нет, ты считай, — выкладывала Ефгения две белые бусинки на ладошке и две красные, — как ни клади, рядышком или квадратом, а их по любому четыре.

— Нет, — не уступал Ефгений, — я попрошу у пальмы два и два финика, и она мне даст двадцать два финика, а ты попросишь два и два, тебе даст четыре.

Ефгения смеялась:

— И тебе даст четыре.

— Мне — двадцать два! — сердился Ефгений.

— Нет, четыре, — улыбалась Ефгения!

— Двадцать два! — кипятился Ефгений. — Не перечь, не завидуй мне. 22 больше, чем 4!

От его крика безухая кобра, привыкшая слушать музыку Небесного Факира, чуть не оглохла.

— Четыре, — шептала Ефгения.

Спокойный голос девушки обрадовал, и кобра из ковра в благодарность за это кинулась к ней и поцеловала в щеку. А поцелуя змеи не бывает без яда. Яд, накопившийся в ползаниях по любомудрым свиткам, вприснул в Ефгению, и она упала наземь.

Ефгений заорал от ужаса, и кобра в испуге бросилась к нему и тоже поцеловала, правда, в ногу. Ефгений рухнул рядом с Ефгенией.

Послышался топот, кобра из ковра в ковер же и нырнула и была такова. Ей предстояло добраться до большого города, до больших библиотек. Не видела она, как в хижину вбежали родители юноши и девушки, подняли плач, как приходил брахман в белом и утешал их: «Змея никого случайно не ужалит», как они смирились и стали собирать погребальный костёр. А когда тела несли на костер, Ефгения открыла глаза и села. С Ефгением этого не случилось никогда.

Ефгения стала проявлять чудеса в математике. На что брахман в белом сказал: «Обоих ужалила змея. Один ушёл в небеса, другая на земле творит чудеса. Видно, не простая эта была змея, а ядомудрая, знатная».

И пошла слава о знатной ядомудрой змее по селениям, а из селений в города.

Кобра между тем находила всё новые и новые хранилища для танцев и считываний, сливавшихся в единые балы лада — баллады. Кто видел её в танце, так и назвал: Баллада или Ballata, что в иных языках означает «станцованная». Но только что же именно «станцованная», знает только сама книжная кобра — раз; те, кому дано дано веждать, т.е. видеть и ведать — два, да Факир Небесный. Впрочем, наверное, надо было начинать этот перечень с конца: ведь станцованной была музыка, которую Факир играл на своей небесной дудке, так похожей на свиток.

Однажды, устроившись на бронзовом бра в виде кобры с развернутым «капюшоном» груди, книжная кобра уловила голоса молодых людей, девушки в серебряном сари и юноши в длинной цветной рубахе. Не будь одежд, их можно было бы принять за сестёр или братьев.

— Знаешь, Ивигения, — говорил юноша, — что «кобра» и «ковёр» — это одно и то же.

— Не может быть! — удивлялась та. — Ивигений, сам подумай, ковер большой и плоский, а кобра круглая и узкая, как петля.

— Я не о том, Ивигения, — а о словах. Они, правда, совершенно разные. Но «кобра» и «ковра» — одно и то же.

— Как так? Разное, а одно и то же?

— Ну, смотри, — настаивал Ивигений, — «кобра» и «коВра», «б» — это «В» в иных латинских языках. А в нашем — это «В», как «ворон» или «варить». Буква одна, а звук другой. И ударения разные.

— Значит, и слово другое, и смыслы разные, — не соглашалась Ивигения.

— Слово то же, а в смыслах связь надо устанавливать.

— Ковер из кобр, — захихикала Ивигения. — Тогда и «cover» туда же!
— «Cover»? Обложка на языке колонизаторов! — задумался Ивигений. — И она, подобно коврику, что-то покрывает!

— Но при чем тут кобра? Тонкая, узкая, длинная? — не понимала Ивигения.

— Стоп, стоп, стоп. А вдруг ковер из кобр — это выстрел не в небо, а в яблочко? — оживился Ивигений. — Может, из шкуры кобры и шили ковры? Шьют же сумочки из питона! Бедные ковры!

— Невозможно! Это сколько же нужно кобр, чтоб из них сшить ковер! — негодовала Ивигения. — Тогда и «бра» — половина «кобры». Но бра несёт свет, а какой свет несёт кобра? Змея ядовитая, жуткая, настоящая!

Кобра на бра не снесла оскорбления — метнулась на Ивигению и поцеловала в руку. А поцелуя кобры не бывает без жала. Ивигения закричала и упала на пол. А Баллада в благодарность за то, что кобру пожалел, и Ивигения поцеловала в добрую грудь. Тот ахнул и упал рядом с Ивигенией.

Балладу только и видели. И она не видела, как потом появились родители Ивигения с Ивигенией, подняли плач, как приходил брахман в белом, качал головой: «Змея никого просто так не ужалит», как все смирились и собирали дрова для погребального костра. А когда тела несли на костёр, Ивигений открыл глаза, сел и ноги с носилок свесил. С Ивигенией этого не произошло никогда.

Ивигений стал проявлять чудеса в Речеведении. На что брахман в белом сказал: «Обоих ужалила змея. Одна ушла в небеса, другой на земле творит чудеса. Как бы здесь ядомудрая Баллада не проползала».

А та ползла с Юга на Север великого субконтинента витками, время от времени раздавая поцелуи налево, направо. Для одних это был последний поцелуй на жизненном пути, для других — первый на пути мудрости.

Однако, однажды танцуя свой танец в утренней тишине, наполненный гулом «світ, sweet, свитка, Swift, свет, свят, свиток, світанок, світ + танок», она услышала детский голос:

— Какая кобра — красавица! — услышала, увлечённая вихрем танца, замерла на взлёте и оглянулась.

Худенький отрок в тюрбане с брошкой большими сияющими глазами восторженно смотрел на нее. А кобра на него: впервые в жизни кто-то видел её танец и сказал, что она красавица. И кобра почувствовала, как от этого у нее вырастают крылья счастья. Она кинулась к мальчику, кого-то сильно напомнившего ей, и не поцеловала его, как обычно, в щёку или в щиколотку, а обвила девятью витками своего тела, точно лиана ствол дерева, и раскачивалась над головой

его из стороны в сторону, обронив с языка каплю яда, упавшего ему на темя; капля прошла сквозь шелк тюбана и впиталась в кожу. И когда кобра освободила мальчика от своих объятий, тот побежал по тропинке, пританцовывая, вприпрыжку. Тропинка эта была началом его стези Математики Танца, все виды которого он постигнет, танцую и обучая им людей.

Красивая же кобра ползла дальше путями своими непостижимыми. Так прошло двадцать лет и двенадцать месяцев. За эти 252 месяца на великом субконтиненте появилось двенадцать великих учителей по разным ветвям знания. В Математике Первым учителем была признана Ефгения, в Речеведении Ивигений. А еще были Первые учителя Сказки, Танца, Агрономии, Ковроткачества, Архитектуры, Воздухоплавания и прочих видов человеческой деятельности. У каждого дела был свой язык знаков, передававший мастерство и знание. И каждый утверждал: «Мира спасёт Математика!», «Мир спасёт Сказка!», «Мир спасёт Танец!», «Мир спасёт Агрономия!... Воздухоплавание!» и так до бесконечности. Знатная и красивая кобра, умея она говорить, сказала правду бы одну на всех: мир спасут все виды проявления человеческого гения, вместе взятые, если человек будет делать своё дело идеально. Но языкатой змее, а язык у змей длинный и острый, не дал Бог речи. И кобра молчала. И утомилась от симфонии своего знающего молчания. А, может, пришло время усталости? Хоть и говорят, знания — не сундук, на спине не таскать. Но кобра Баллада устала. Земными знаниями она овладела всеми, яд её превратился в эликсир мудрости. И пусть она утомилась, — жажда знаний не утолилась, да любознательность окрепла. Теперь ей стали потребны небесные знания. А как туда попасть, на небеса? К своему Небесному небезгласному Факиру с дудкой, издающей радужные звуки? И тут кобра Баллада Ballata не набрела, а напозла на редкую золотую сантию, табличку из чистого золота, и на сантии было начертано: «Змее, желающей стать человеком, надо лишиться головы от его руки». Кобра испугалась: а вдруг она все знания потеряет: ведь они на шкуре её, пусть загрубевшей, заматеревшей, отпечатаны. Но поразмыслила и поняла, что дохлой ей шкура не пригодится. Тайное для неё стало явным. Проползала она в тот момент возле школы Рас-суд-ка и услышала приятный голос:

— Явигений!

Звала женщина. И кобра увидела женщину невиданной красоты в золотом сари. То была сама Красота во плоти.

— Явигения! — откликнулся молодой голос, и кобра увидела мужчину в длинной алой рубахе.

— Явигений, — заговорила женщина дивной красоты в золотом сари, протягивая ему на ладонях два яйца, — какое из них варёное, а какое сырое? Как узнать, не разбивая скорлупы?

Мужчина нахмурил лоб:

— Дай подержать, Явигения.

— Держи!

Он взвесил яйца на ладонях:

— Везят одинаково. Или почти, если на глаз. Оба одной температуры. Значит, сваренное успело остыть, — поднес к уху сначала одно, потом второе, послушал, будто ракушку морскую. — Тишина, — сказал, — писка цыплёнка не слышно.

Явигения улыбнулась улыбкой прекрасной, как она сама:

— Нет, — взяла она яйца и завертела их на скамье-панке. Одно завертелось, как вентилятор, другое еле тронулось, колыхнулось и замерло. — Ну дак?

Явигений задумался:

— Сырое — живое. Варёное — мёртвое. Жизнь есть движение. Значит, которое вертится, то и сырое.

Явигения рассмеялась, и такой у неё приятный и свободный был смех, что она вся, и так сияющая невиданной красой в своём золотом сари, засветилась ещё ярче, теплее; кобре Балладе предстала белая кувшинка, расцветшая в её глазах, когда она впервые впитала знание свитка, и ослеплённая счастьем и восторгом, она кинулась к Явигении поцеловать. Хвостом задела неповоротливое яйцо, оно упало со скамьи-панки и разбилось, растеклось белком, застеклившим в себе солнышко желтка. Кобра удивилась и оглянулась на дело хвоста своего. Тут-то её и схватил за хвост Явигений. Но кобра хоть и не молода была, но да ведь она красивая и знатная кобра Баллада, чтица и танцовщица Факира Небесного! И она извилась, взвилась, чуть не поцеловала Явигения в руку, но и тот не растерялся, взмахнул ею, точно бичом из бечевки, тем дав ей возможность последнего дебюта: сплясать в полёте свой последний бал лада, и грохнул головой о скамью-панку. Голова Балладушки отлетела, а туловище еще трепыхалось в руках Явигения, дотанцовывая танец умирающей змеи.

Книжная кобра трепыханий этих уже не видела. Она плясала дальше в радужных звуках Небесного Факира, и с ней плясало отражение её в Мировом океане. Она была в нём прекрасной женщиной. Такой же, как Явигения, сама Красота во плоти. Скоро она непременно расскажет всем Первым Учителям, что спасёт мир. И они её услышат.